

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ВЕЛИКОМУЖИ.

Статья первая.

=

Едва ли въ какомъ европейскомъ государствѣ положительная аристократія достигала такого самовластія, какъ въ Польшѣ. Магнаты Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго имѣли въ рукахъ всю правительственную власть, обладали огромными имѣніями, неограниченно повелевали подданными, содержали свои войска и часто рѣшали дѣла оружіемъ и силою. Бопланъ говоритъ о власти ихъ съ удивленіемъ, увѣряя, что они были просто не подсудимы и могли дѣйствовать по произволу. Многіе изъ нихъ происходили изъ вѣнценосной крови Пястовъ, Св. Владиміра и Гедемина; другіе жъ отъ древнихъ сподвижниковъ ихъ; иные собственными заслугами и, особенно, военными подвигами проложили себѣ путь къ возвыщенію и пріобрѣли богатые имѣнія и титулы. Неоспоримо то, что большая часть изъ тѣхъ, которые жили въ Великомъ Княжествѣ, были Русскіе по крови и по вѣрѣ, въ старину храбро и ревностно стояли за честь своего отечества и неприкосновенность православія, напоминая польскимъ королямъ, что русскій народъ соединился съ поль-

скимъ, какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ, — а дѣти ихъ и внуки, принявши польскіе нравы и обычаи, перешли наконецъ въ католичество и сдѣлались врагами своей вѣры, родины и единокровнаго народа.

І. КНЯЗЯ ОСТРОЖСКІЕ.

Родъ князей Острожскихъ происходитъ отъ знаменитаго князя Романа Галицкаго, отца Данилова. Братъ перваго короля русскаго, Василько, имѣлъ сына Данила, и оставилъ ему въ наслѣдіе огромныя владѣнія въ юго-западной Россіи. Тогда на Русь, по грѣхамъ предковъ, какъ говорятъ лѣтописцы, *усобища братій на поганья погиге*, и Галиція, Овльнь, Подоль — пали въ руки Поляковъ-ино-вѣрцевъ, хотя и одноплеменныхъ. Казиміръ, завладѣвъ этими землями, оскорблялъ Греко-восточную вѣру и стѣснялъ права Русскихъ. Внукъ Романовъ, собравши славою своею другихъ князей, пригласилъ Татаръ и вступилъ въ Польшу, ища освобожденія. Опустошивши Сендомирскую область, насытившисьъ мѣстною надъ Поляками, русскіе князья воротились, и не надѣясь справиться съ Казиміромъ, помирились съ нимъ. Ничего было дѣлать и Данилу: онъ также помирился съ королемъ, который утвердилъ въ вѣчномъ его владѣніи Острогъ, Дубно, Заславль и другія мѣстечки, — съ тѣхъ поръ князь принялъ титулъ Острожскаго. Легко было заключить такой миръ въ то время: князья, подчиненные польскому престолу, могли свободно управлять своими владѣніями, и считались только для вида вассалами короны, но въ самомъ дѣлѣ были независимы, изъ чего и развилась польская аристократія.

Даніилъ скончался въ 1349 году. Сынъ его Василій извѣстенъ только по имени; но внукъ Федоръ Васильевичъ Острожскій извѣстенъ и по дѣламъ. Услыша о притѣсненіи вѣры и правъ русскаго народа королемъ Владиславомъ Ягеллономъ, онъ принялъ сторону сверженнаго брата его Скергеямы, выступилъ съ сильнымъ войскомъ, разбивалъ нѣсколько разъ Поляковъ и взялъ городъ Смотричъ. Потомъ былъ разбитъ, въ свою очередь, но не упалъ духомъ, и въ другой разъ настигъ Поляковъ при рѣчкѣ Моравкѣ; но полковникъ Кѣвличъ зашелъ Русскимъ въ тылъ и, ударивъ на нихъ неожиданно, принудилъ отступить, а многихъ положилъ на мѣсть. Однако и здѣсь Федоръ Васильевичъ не потерялся: на слѣдующій годъ покорилъ Луцкъ и Каменецъ-Подольскъ и разбилъ высланнаго противъ него воеводу. Онъ столько же былъ ревностнымъ православнымъ, какъ и патриотомъ: строилъ церкви и приписывалъ къ нимъ имѣнія.

Сынъ Федора, Василій, прозванный, какъ говоритъ Длугашъ, Краснымъ, старался отклонить Казимира IV отъ принятія польской короны и не допустить Литву соединиться съ Польшею. Онъ былъ дважды женатъ, и обѣ жены принесли ему въ приданое большія имѣнія. У него было два сына Юрій и Іоаннъ: первый получилъ отъ отца Заславъ, и сталъ родоначальникомъ дома Заславскихъ; другому достался Острогъ. Стрыковский повѣствуетъ о знаменитыхъ дѣяніяхъ послѣдняго: въ 1453 году, Татары напали на Украинну и произвели въ ней опустошенія, потомъ, набравши множество плѣнниковъ и добычи, бѣжали во свояси; но Острожскій напалъ на нихъ съ своими рыцарями подъ Красновымъ, побѣдилъ, а плѣнникамъ воротилъ свободу. Отъ супружества его къ княжною Глинскою,

кроме двух дочерей, родился сынъ Константинъ Ивановичъ, извѣстнѣйшій изъ всѣхъ Острожскихъ.

Съ юныхъ лѣтъ оказалъ онъ блестящія способности, которыя замѣтилъ Петръ Ивановичъ Бѣлый, воевода троцкій и великій гетьманъ литовскій. Чувствуя приближеніе смерти, онъ бесѣдовалъ съ великимъ княземъ Александромъ о томъ, кто достоинъ носить булаву послѣ него. Великій князь обѣщаль согласно съ его желаніемъ назначить преемника. Бѣлый указаль на Константина, отзывался о немъ съ большими похвалами, и возбудилъ къ нему благоволеніе Александра. По смерти Бѣлаго въ 1499 году, Константинъ вступилъ въ его должность, взялъ подъ свое начальство все литовское войско, и оправдалъ предсказанія старика. Польскіе историки признають, что никто, ни прежде, ни послѣ него, не прославилъ такъ сана великаго гетьмана литовскаго. Онъ выигралъ тридцать три сраженія, а проигралъ только два, говоритъ краткій, но сильнѣйшій Несецкій. Одна изъ сихъ несчастныхъ для Острожскаго битвъ была противъ Московитянъ знаменитая ведрожская. Литовскихъ войскъ было только четыре тысячи, а московскихъ, подъ начальствомъ Данилы Щени, сорокъ тысячъ: вступили въ сраженіе,—Литовцы были разбиты, а Острожскій со многими знаменитыми дворянами взятъ въ плѣнъ. Іоаннъ III напоминаль ему объ его русскомъ происхожденіи и уговариваль присягнуть Москвѣ: Острожскій отвергнулъ предложеніе. Іоаннъ началъ ему грозить: Острожскій презираль угрозы. Его бросили въ темницу. Острожскій сидѣль, лишенный дневнаго свѣта, но не соглашался на требованія московскаго князя: оставить еретика латискаго и служить государю православному.

Потомъ его вывезли изъ Москвы и сослали въ Вологду, гдѣ онъ жилъ подъ стражею, кормимый изъ состраданія, наконецъ—онъ присягаетъ Іоанну. Великій князь даритъ ему имѣнія, осыпаетъ милостями и высылаетъ на войну противъ Татаръ. Острожскій разбиваетъ враговъ московскаго государства и возвращается съ торжествомъ въ Москву. Не извѣстно, тоскуя ли по родинѣ, и вспоминая благодѣянія Александра, или огорченный чѣмъ-нибудь отъ Іоанна, Острожскій ушелъ тайно изъ Москвы съ своимъ слугою, переодѣвшись въ платье поселянина. Прѣвзжая въ воскресный день мимо церкви, въ одномъ селѣ, набожный князь остановился, и пусти слугу впередъ, самъ вошелъ къ обѣднѣ. Вдругъ за нимъ летитъ погоня. Никому не пришло въ голову искать Острожскаго въ церкви; искали его по дорогѣ—не нашли; спрашивали у жителей—никто не зналъ Литвина въ лицѣ. Повхали далѣе, именно по той дорогѣ, куда отправился слуга. Обѣдня кончилась. Константинъ вышелъ изъ церкви; слышитъ: говорятъ, что Острожскій ушелъ изъ Москвы, что за нимъ послана погоня. Пользуясь недоумѣніемъ, никѣмъ незамѣченный, онъ садится на лошадь и отправляется по другой дорогѣ на Дорогобужъ и Лопатинъ. Трудно было бѣгство князя: на каждомъ шагѣ онъ остерегался погоня, но, избѣгнувъ ее, ступилъ наконецъ на литовскую землю и, къ величайшему удивленію и радости великаго князя, прибылъ въ Вильну, принять съ большимъ торжествомъ, получилъ обратно свое гетьманство и, сверхъ того, пожалованъ маршаломъ волинскимъ, старостою луцкимъ, вильнецкимъ, брацлавскимъ, какъ видно изъ подписи на грамотѣ Сигизмунда 1-го, давшаго привилегію Руси. Въ 1516 году,

Константинь отплатилъ Москвѣ за притѣспенія и насильственную присягу: подѣ Оршею было разбито восемьдесятъ тысячъ русскаго войска московскаго князя Василія, изъ которыхъ сорокъ тысячъ легло на мѣсть.

Сигизмундъ, желая почтить Константина особенною своею милостию, назначилъ ему торжественный въездъ въ Вильну: честь, которой никто еще не достигалъ. Кромѣ того, онъ получилъ воеводство троцкое и мѣсто въ сенатѣ, за что многіе польскіе вельможи были недовольны, боялись его силы, власти и богатства, и называли такое возвышеніе *схизматика* нарушеніемъ ихъ аристократическихъ правъ. По свидѣтельству Кояловича, Сигизмундъ пожаловалъ ему еще должность кастеляна виленскаго. Не менѣе знамениты его побѣды надѣ Татарами, противъ которыхъ онъ всегда мужественно защищалъ свое отечество. Въ 1511 году отразилъ ихъ двадцати-четырехъ-тысячный набѣгъ подѣ Висьнѣвцемъ; въ 1516 поразилъ ихъ подѣ Слуцкомъ, гдѣ показалъ свое военное искусство и смѣлость, разогнавши три ихъ отряда разомъ; двадцать тысячъ легло ихъ подѣ Конёвымъ; не менѣе пострадали они отъ меча Острожскаго подѣ Бускомъ, гдѣ въ глазахъ Константина растерзанъ былъ родной его племянникъ Романъ. Въ 1519 году, на несчастномъ сраженіи подѣ Соколомъ, Острожскій едва успѣлъ спасти остатки своего войска, но отомстилъ Татарамъ блестящими побѣдами на Вольни. Въ то время Украина безпрестанно терпѣла отъ набѣговъ этихъ дикарей; и такой полководецъ, въ самомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, былъ драгоцѣненъ своему отечеству.

Острожскій, кромѣ военныхъ знаній и храбрости, отличался добрымъ сердцемъ, былъ благороденъ въ своихъ поступ-

кахъ, милостивъ къ плѣнникамъ и ласковъ къ подчиненнымъ. Онъ скончался въ 1533 году и погребенъ въ кіево-печерской лаврѣ, гдѣ до сихъ поръ хранится его гробница.

Старшій сынъ его Илія, подававшій въ началъ блестящія надежды, погибъ раннею смертію, пораженный, на придворномъ свадебномъ турнирѣ, королевичемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Онъ уже былъ женатъ и оставилъ дочь Елисавету, которой жизнь можетъ служить основою для романа. Константинъ, меньшей его братъ, получилъ наслѣдіе отца и поддержалъ славу своего дома военными подвигами, но еще болѣе-того роскошною жизнью, гостеприимствомъ, покровительствомъ наукъ и приверженностію къ православію и родинѣ. Хотя онъ былъ приученъ еще отцемъ своимъ къ войнѣ съ Татарами, но, послѣ смерти его, самъ рѣдко выходилъ въ поле, а высылалъ противъ нихъ войско, всегда готовое отразить варваровъ во время ихъ опустошительныхъ вторженій. Только въ 1573 году, онъ самъ выходилъ противъ Татаръ, и тогда же ротмистръ его Ярмолинскій разорилъ цѣлой кошъ ихъ; а въ 1577 году, триста отборныхъ всадниковъ истребили на Волыни пять тысячъ Татаръ, но, внезапно окруженные новыми превосходящими ихъ силами, они всѣ до одного пали на сраженіи; между тѣмъ подъ Душномъ отряды Острожскаго спасли князя Соломирскаго, праздновавшаго свое бракосочетаніе съ княжною Дульской. Константинъ Константиновичъ высылалъ своихъ ратниковъ на помощь Стефану Баторію и противъ Московитянъ, а самъ съ сыномъ своимъ Янушемъ вторгался въ Сѣверскую область. Гетьманъ малороссійскій Подкова имѣлъ въ своихъ рядахъ его воиновъ при завоєваніи Волошкаго Государства.

Но Острожскій преимущественно прославился на мирномъ поприщѣ: онъ любилъ науки, основывалъ школы, гдѣ преподавались древніе языки, завелъ типографію въ Острогъ, заботился о напечатаніи и распространеніи нужныхъ книгъ и, наконецъ, самъ писалъ разныя сочиненія, между которыми замѣчательны окружныя посланія противъ униатовъ, въ которыхъ онъ убѣждалъ православныхъ *не прельщатися, не крѣпко стояти, вооружившися, не дающе плещь, рекше тыла, врагу, просице отъ Бога помощи, яко да сокрушитъ сатану подѣ ноги наша*. Онъ былъ чрезвычайно богатъ—имѣнія его приносили ему ежегоднаго дохода 1,200,000 р.,—и щедръ: двѣ тысячи бѣдныхъ шляхтычей содержались на его иждивеніи и, въ мирное время, курили ему оишіамъ лести, а въ случаѣ надобности, принимались за кривыя сабли и гусарскія конья въ честь герба своего патрона. Острогъ, столица сенатора и воеводы, удивлялъ всѣхъ великолѣпьемъ, обширностію, устройствомъ заведеній и промышленностію; а замокъ, гдѣ жилъ магнатъ, окруженный покорными кліентами, безирекословно исполнявшими волю сильнаго покровителя, кипѣлъ множествомъ веселыхъ гостей, привлекаемыхъ изъ Украйны, Литвы и Польши радушнымъ пріемомъ хозяина. Туда съѣзжались старые паны роптать на Сигизмунда и вздыхать о прошедшей буйной вольности, когда можно было свободнѣе грабить проезжающихъ и разорять города и села своихъ противниковъ; туда прилетали на борзыхъ коняхъ и молодые рыцари, въ блестящихъ кунтушахъ съ закидными назадъ вылѣтами, танцовать съ панѣнками и расточать клятвы въ готовности на всѣ подвиги за одинъ поцалуй нѣжной ручки: всѣхъ оживляли ла-

ски старика, блиставшаго въ сонмѣ вельможныхъ потомковъ Владиміра и Гедимина во всемъ простодушномъ величїи гостепріимнаго Славянина. Тогда высокія залы замка гремяли музыкаю; среди безчисленнаго множества разноцвѣтныхъ огней ярко горѣлъ гербъ вельможи; но длиннымъ переходамъ суетились тысячи служителей съ душистыми яствами на серебрянныхъ блюдахъ и бутылками столѣтняго венгерскаго. Но когда наступалъ постъ, приходило время покаянія и молитвъ, — все утихало: вмѣсто игривыхъ панънокъ и храбрыхъ рыцарей, являлись черные монахи съ тонкими лицами и, въ сопровожденїи ихъ, князь оставлялъ свой пышный замокъ, удалялся въ построенный имъ дубенскій монастырь, снималъ съ себя дорогія одежды, одѣвался въ рубище и проводилъ дни великаго поста въ неусыпныхъ молитвахъ, бдѣнїи и трудѣ. Въ церквахъ, построенныхъ имъ, были особенныя мѣста, гдѣ онъ могъ молиться, скрывшись отъ народа: такъ онъ былъ набоженъ. Но этимъ не ограничивалось его благочестіе;—онъ отличался и дѣлами милосердія: строилъ госпитали и дома для призрѣнія бѣдныхъ; тысячи лишенныхъ пристанища одолены были ему пищею, одеждою и спокойствіемъ. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ жаромъ возставалъ онъ противъ уніи; народъ читалъ съ умиленіемъ его краснорѣчивыя посланія; и между-тѣмъ, князь подавалъ протестаціи на сеймъ, и даже, послѣ брестскаго собора, гдѣ обнародована унія, собралъ свои войска, и готовился выступить противъ правительства. Но все кончилось ничѣмъ. Конечно, Острожскій, принявши польскіе нравы, не терялъ любви къ своей вѣрѣ и родинѣ, но есть причины думать, что и онъ прежде отчасти колебался. Сохранилось письмо къ нему отъ

князя Курбскаго, въ которомъ изгнанникъ упрекаетъ его въ связяхъ съ іезуитами; онъ имѣлъ сношенія съ извѣстнымъ Поссевиномъ и, притомъ, гнѣвался на Ипатія Поцея, что тотъ вздѣлъ въ Римъ *безъ его вѣдома*: это обстоятельство даетъ поводъ думать, что если привязанность къ религiи была сильна въ князь, то унія не меньше оскорбляла его честолюбіе.

Константинь Константиновичъ, проживши около ста лѣтъ, скончался въ 1606 году, и оставилъ трехъ сыновей: Януша, Константина и Александра. Старая княгиня, тотъ-часъ послѣ смерти мужа, приняла католическую вѣру.

Старшій сынъ, Янушъ, въ молодости посланъ былъ отцемъ ко двору нѣмецкаго императора для образованія. Тамъ окружили его католическіе священники, растолковали ему все, по ихъ словамъ, заблужденія *греческаго раскола*, и увѣрили его, что только одна римско-католическая вѣра есть истинно-христіанская, — и молодой русинъ, подстрекаемый еще и товарищами, отрекся отъ православія и повѣрилъ всею душою въ святость папы. Воротившись на Русь, Янушъ былъ встрѣченъ гнѣвомъ отца: старшій Острожскій задрожалъ отъ ужаса, узнавши, что его сынъ-первенецъ уязвился *прелестію латинскою* и отступилъ отъ вѣры предковъ. Посыпались угрозы, проклетія, слезныя моленія — ничто не помогало: Янушъ увѣрялъ, что самъ Богъ просвѣтилъ его темныя очи. Тогда отецъ заперъ его въ тѣсной комнатѣ, отдалъ отъ всѣхъ придворныхъ, строго запретилъ входить къ нему и посылалъ каждый день русскаго священника для убѣжденія. Какъ не истощалъ своего краснорѣчія этотъ священникъ братъ

гетмана Наливайки, какъ не доказывалъ ему всеми доводами, какіе находилъ въ старыхъ книгахъ, — Янушъ не поколебался и только восхвалялъ божественность истинъ римско-католической религіи. Такъ прошло около года. Тогда отецъ, видя, что нельзя принудить Януша *вознести хулы* на католичество, какъ говоритъ Янчинскій, — призываетъ его къ себѣ и велитъ съ нимъ ѣхать. Янушъ повиновался. Константинъ взялъ меньшаго сына Александра, и всѣ трое отправились въ Дубно. Приѣхали въ одно мѣстечко; пришла пора ужинать. «Александръ, говоритъ старикъ меньшому сыну, ты садись за столъ со мною: ты мой сынъ; а ты, отступникъ, ужинай и спи съ холопами!». Янушъ поблагодарилъ родителя и съ радостію принялъ такое приказаніе, будучи увѣренъ, что терпитъ за правду. Пришла ночь; Янушъ спалъ въ людской на голой землѣ; вдругъ въ полночь является отецъ, становится надъ сыномъ и говоритъ: «сынъ недостойный, ты не долженъ жить на свѣтѣ!» и съ этими словами старикъ поднимаетъ надъ нимъ саблю. Янушъ просыпается, смотритъ на отца и говоритъ ему спокойно: не ужели, любезный родитель, теперь омочешь въ крови моей мечъ, которымъ ты на столькихъ битвахъ разилъ враговъ отчизны! — «Ты изменилъ вѣрѣ, предатель!» воскликнулъ Константинъ. — Руби мою голову, сказалъ Янушъ, подставляя въ самомъ дѣлѣ свою голову подъ мечъ, — познай, что я умираю католикомъ, за вѣру католическую; и ежелибъ у меня было тысяча жизней, я всѣ бы отдалъ за нее! — Отецъ горько вздохнулъ, опустилъ мечъ, заплакалъ, покачалъ головою и отошелъ. Утромъ зовутъ Януша къ отцу. «Иди, недостойный, говоритъ ему старикъ,

прочь съ глазъ моихъ; иди въ Австрію, гдѣ ты потерялъ св. вѣру.» Янушь повиновался.

Такая безропотная покорность родительской воли въ другой разъ вызвала чувство старика: опять слезы покатались изъ глазъ его; онъ смягчился, давалъ ему наставленія въ изученіи рыцарской науки и, прощаясь, сказалъ: «если такъ, то, по-крайней-мѣрѣ, не измѣняй роднымъ обычаямъ; ищи себѣ друзей между Поляками и Венграми, но не дружись съ Нѣмцами!» Такимъ образомъ князь былъ смягченъ дѣтскою покорностію: гнѣвъ православнаго уступилъ мѣсто ненависти Славянина. Польскіе вельможи знали превосходство надъ собою Нѣмцевъ во всемъ, что касалось до образованности, но гордились своимъ славянскимъ происхожденіемъ и, съ жадностію принимая плоды европейскаго просвѣщенія, дорожили своею національнію, помня старую пословицу:

Póki swiat swiatem,

Polak Niemcowi nie będzie bratem.

Янушь отправился въ Австрію, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ: узнали объ его твердости, о насмѣяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ отца, осыпали его похвалами. Поучившись еще нѣсколько лѣтъ военному искусству, Янушь возвратился на родину, гдѣ показалъ плоды своего ученія: укрѣпилъ превосходно отцовское Дубно и отразилъ отъ него Татаръ. Послѣ того, онъ участвовалъ съ отцемъ въ набѣгъ на сѣверскую область Московскаго Государства и въ пораженіи Косинскаго подъ Пяткомъ. Изъ этого видно, что онъ помирился съ старикомъ; но Янчинскій рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: изъ Заслава до Сокола, мимо Острога, шла католическая процессія; вдругъ навстрѣчу—

Наливайко съ своими козаками. Козаки въ насмѣшку ропустили, передразнивая католическія хоругви, лисьи хвосты и тряпки и прерывали священныя пѣсни неистовыми криками. Янушъ написалъ къ отцу письмо, въ которомъ просилъ наказать виновныхъ, но, не получивъ отвѣта, написалъ и другое, на которое также не было удовлетворенія. Богъ, говорятъ ксѣндзы, наказалъ стараго схизматика: всѣ лѣса острожскіе, куда шла процессія, сгорѣли, а къ заславскимъ пламя не коснулось, хотя они были съ ними смежны.

По смерти отца, Янушъ свободно предался своему католическому фанатизму. Въ Константиновѣ, главномъ его наслѣдіи, явился доминиканскій монастырь, къ которому причислены двѣ православныя деревни—Ирки и Приворовка; въ Межерницѣ—костѣль и монастырь францискановъ, а въ Тарновѣ принисана была деревня для мансіонаровъ, также и другимъ костѣлямъ и монастырямъ подарены были деревни. Кромъ того, для извѣстной части своихъ владѣній, Янушъ составилъ такъ называемую ординацію, назначивъ, чтобы имѣнія, подлежащія ей, не дѣлились, но переходили къ старшимъ наслѣдникамъ мужескаго пола и непременно католической вѣры, съ условіемъ доставлять отечеству по триста всадниковъ и триста пѣшихъ на каждую потребу. Янушъ умеръ воеводою волынскимъ, каштеляномъ краковскимъ, старостою владимірскимъ, черкаскимъ, переяславскимъ, бѣлоцерковскимъ, канѣвскимъ, богославскимъ, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ мужескаго пола. Этотъ князь участвовалъ въ рокошѣ противъ короля Сигизмунда, но вскорѣ покорился ему.

Другой братъ его, Константинъ, кравчій литовскій и староста владимірскій, принявшій католичество еще прежде брата Януша, былъ, подобно ему, гонимъ отцемъ и умеръ не женатымъ, 35-ти лѣтъ отъ роду. О немъ разсказываютъ занимательную мистерию: когда ему было 18 лѣтъ, тогда, во снѣ, явился ему старикъ, въ бѣлой одеждѣ, съ длинною бородой. Константинъ изумился и началъ съ любопытствомъ разсматривать явленіе. Старикъ сказалъ ему: «вижу, что тебѣ пріятно смотрѣть на меня, но, по-истинѣ, ты этого недостойнъ, потому что живешь не по Божіему закону.» Сказавши эти слова, исчезъ. Константинъ не тронулся видѣніемъ и продолжалъ жить своевольно. Черезъ 12 лѣтъ, является ему тотъже старикъ и говоритъ: «Узналъ ли ты меня, Константинъ?»—Узналъ, отвѣчалъ тотъ. «А зачѣмъ же ты до сихъ поръ лежишь въ тинѣ грѣховной? Доколь будешь умножать грѣхи свои? Знай, что тебѣ остается жить только три года; старайся исправиться; возврати къ себѣ милосердіе Божіе и приготовляйся къ смерти.» Встревоженный таинственнымъ сномъ, Константинъ призвалъ къ себѣ духовника, перемѣнилъ образъ жизни и всѣ три года думалъ только о томъ, чтобъ заслужить милосердіе Божіе. По истеченіи трехъ лѣтъ, во время великаго поста, онъ вдругъ захворалъ, со-дня-на-день усиливалась бользнь. — И вотъ, въ субботу предъ вербнымъ воскресеніемъ, старикъ является: «завтра въ двѣнадцатомъ часу ты умрешь, Константинъ!» Константинъ принялъ св. Тайны, и, на другой день, скончался. Бывшіе при его кончинѣ увѣряли, что они видѣли старца на воздухъ съ простертыми къ небу руками, который тогда только исчезъ, когда князь испустилъ дыханіе.

Третій сынъ Константина Константиновича, Александръ, воевода вольнскій, вмѣстѣ съ отцемъ защищалъ православіе противъ уніатовъ и остался до смерти православнымъ. Онъ умеръ въ 1603 году. Старшій сынъ его погибъ подъ Тарнополемъ въ сраженіи съ Татарами; второй умеръ въ молодости; о третьемъ рассказываютъ, что онъ, будучи православнымъ, вздумалъ стрѣлять въ книгу, гдѣ описано житіе католическихъ святыхъ, и попалъ въ слово *смерть*, которая его и постигла. Двѣ старшія дочери его вышли замужъ: одна за Любомирскаго, другая за Оому Замойскаго; меньшую же Анну постигла другая участь. Съ юныхъ лѣтъ она получила наклонность къ религіозности: читала священныя книги, разговаривала о духовныхъ предметахъ, боялась на каждомъ шагу согрѣшить, и хотѣла рѣшительно отказаться отъ свѣта. Мать подкрѣпляла ее въ этомъ, и слѣдствіемъ такого расположенія было отступленіе отъ греко-восточной вѣры и принятіе католицизма. Когда отецъ ея скончался, православное духовенство похоронило его въ церкви; но Анна, желая, по крайней-мѣрѣ, по смерти, освятить родителя, приказала перенести прахъ его въ костѣль. Священники воспротивились, а исповѣдывавшіе греко-восточную религію, считая для себя оскорбленіемъ, если прахъ послѣдняго православнаго ихъ князя будетъ поконтъся въ церковь чуждаго закона, возмутились, но ихъ усмирили, и трибуналь осудилъ ихъ на разныя казни: вѣшать, четвертовать, колесовать, а дома *раскольниковъ* приказано сжечь, и мѣсто, гдѣ они стояли, посыпать пепломъ. Когда насталъ день казни, и осужденные ждали смерти, княжна простила ихъ и велѣла разойтись по домамъ. По какимъ-то обстоятельствамъ, Анна вышла замужъ за извѣстнаго гет-

мана Ходкевича; но дала ему руку съ тѣмъ, чтобы онъ не нарушалъ ея дѣвства. Ходкевичъ вскорѣ былъ убитъ подъ Хотиномъ.

Молодая вдова — дѣвица сдѣлалась предметомъ искаательства знатнѣйшихъ особъ и, въ томъ числѣ, королевича Владислава. Чтобы избавиться отъ земныхъ искушеній, Анна сбросила съ себя драгоценныя одежды, облеклась въ рубище и обрекла себя посту и дѣвству. У подножья распятія ей послышался голосъ: «отцитись отъ міра». Такъ говорили члены той секты, къ которой принадлежала Торквимада. И вотъ Анна отцитилась отъ міра: Острогъ, гдѣ цвѣла православная вѣра, пріютъ гонимыхъ дѣтей греко-восточной церкви, сталъ пристанищемъ католическихъ монаховъ; изъ него было изгнано около сорока православныхъ священниковъ; жители насильно были обращаемы въ католическую вѣру или унию; православныя школы запусъли, — вмѣсто ихъ явились іезуитскія коллегіи; благочестивыя церкви обращены въ костѣлы. Дворъ ея, нѣкогда шумный, сдѣлался жилищемъ ксѣнзовъ и молчаливыхъ женщинъ. Всѣ должны были ходить съ постнымъ лицомъ, довольствоваться скудною пищею; никто не смѣлъ засмѣяться, пошутить, — владѣтельница сама за всѣмъ подсматривала и тотъ-часъ посылала къ виновному ксѣнза для убѣжденія. Случалось, что сами ксѣнзы, какъ ни искусно умѣли притворяться, не избѣгали ея прозорливыхъ глазъ, и сносили строгіе выговоры.

Въ высокихъ залахъ, гдѣ прежде раздавалась музыка и шумѣли танцы, теперѣ сидѣли покорныя шляхтянки, собранныя со всѣхъ сторонъ набожностію Анны: всѣ занимались работою для костѣловъ, шили церковныя

одежды, или слушали отъ княжны правило св. Игнатія. Всѣ часы во днѣ, дни въ мѣсяцахъ, десятки дней въ годахъ — имѣли у ней особенное значеніе и были посвящены на особенныя молитвы и подвиги. Домовая церковь день и ночь была отворена. Анна слушала по нѣскольку обѣдень каждый день, причащалась каждой праздникъ; а на страстной недѣль въ четвергъ Анна собирала убогихъ и мыла имъ ноги; въ великую пятницу обходила босикомъ плащаницы и, ложась крестообразно, обливала слезами землю. Гошпиталь, построенный еще дѣдомъ ея, былъ распространень; часто сама княжна ходила постилатъ больнымъ постели, подавала имъ изъ своихъ рукъ пищу. Во время голода въ 1638 году, она кормила не только своихъ подданныхъ, но и чужихъ; за иныхъ уплачивала долги, другихъ избавляла отъ наказанія. Хотя Анна жила въ замкѣ, но, по словамъ іезуита, не любила, если ее величали. Рассказываютъ, что однажды она исповѣдывалась у незнакомаго священника, который у ней спрашивалъ то, чего бы не осмѣлился спросить, еслибъ зналъ, что она княгиня. Анна на все отвѣчала съ смиреніемъ. Когда священникъ спросилъ ее: «какъ тебя зовутъ?» она отвѣчала: Галька. «Ты дѣвка?» Дѣвка. «Откуда ты?» изъ предмѣстія. Все это, съ удивленіемъ восклицаютъ іезуиты, была истинная правда: ее звали Анною, она сохранила дѣвство и жила въ ярославскомъ предмѣстїи, въ домъ отца своего. Примеромъ ея ума и живости можетъ служить происшествіе, случившееся въ Познани: одинъ краснорѣчивый прелатъ говорилъ проповѣдь; Анна съ негодованіемъ вышла, не дослушавши оной, чего съ ней прежде не бывало. Какой советъ, говорила она, можетъ онъ мнѣ дать о спа-

сеніи души моеї, когда онъ не печется о спасеніи собственной. Въ самомъ дѣлѣ прелать нарушалъ правила своего сава. Анна жила 53 года, и каждый годъ, въ день своего рожденія, полагала на алтарь столько червонцевъ, сколько ей было лѣтъ.

Козаки опустошили ея зѣмокъ, обратили въ пепель коллегію, а ее принудили удалиться. Она послѣ-того жила въ Коваль, Коморжъ, Гнишъ, Ракаць, Познани и Ярославъ, гдѣ основала новую коллегію.

Она умерла въ февраль 1654 года, выписавши передъ смертію славившагося въ то время іезуита Дружбицкаго.

Со смертію Анны прекратилась фамилія Острожскихъ.

Н. Костомаровъ.

1841 года. Харьковъ.

